ИЗВЕСТИЯ АКАДЕМИИ НАУК СОЮЗА ССР

ОТДЕЛЕНИЕ ЛИТЕРАТУРЫ И ЯЗЫКА

1947, том VI, вып. 6

ноябрь — декабрь

С. Е. МАЛОВ

МИР АЛИШЕР НАВОИ В ИСТОРИИ ТЮРКСКИХ ЛИТЕРАТУР И ЯЗЫКОВ СРЕДНЕЙ И ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ*

Два века назад наш академик М. В. Ломоносов (1711—1765) выступал против тогдашнего придворного языка русских, полного варваризмов, и против языка книжного, полного церковнославянизмов. Он ратовал за единый русский литературный язык не только своими теоретическими трудами (главным образом своей Грамматикой), но и своими поэтическими сочинениями.

Он писал: „Тончайшие философские воображения и рассуждения, многоразличные естественные свойства и перемены, бывающие в сем видимом строении мира и в человеческих обращениях, имеют у нас пристойные и вещь выражающие речи". Он радуется, что „российский наш язык не токмо бодростью и героическим звоном греческому, латинскому и немецкому не уступает, но подобную оным... природную и свойственную версификацию иметь может". Ломоносов находит в русском языке „великолепие ишпанского, живость французского, крепость немецкого, нежность итальянского, сверх того — богатство и сильную в изображениях краткость греческого и латинского языка".

Подобно Ломоносову, пришлось в XV в. и Алишеру Навои (1441—1501) торить дорогу в литературе среднеазиатскому тюркскому, или чагатайскому, языку, дожившему до наших дней и теперь называемому узбекским.

Этот современный нам литературный и разговорный узбекский язык прошел, разумеется, долгую историю. К нашему времени в нем образовалось две группы. В одной из них от соседства окружавших узбеков иранских народов были утрачены частично некоторые тюркские черты и особенности. Например, та группа, которая именовалась (с XV—XVI вв.) до Октябрьской революции сартами [1], имела и имеет только 5—6 гласных; у другой же группы — узбеков — их 8—9; закон тюркского сингармонизма звуков в сартовском языке строго не проводился. Но обе эти группы прекрасно объяснялись между собой, ведь они были, собственно говоря, исторически одним народом, и теперь никому в голову не придет считать узбеков и (прежних) сартов разными народами. Теперь это — не враждебные между собой группы по разным политико-экономическим вопросам, а один народ, связанный, кроме языка, и одной идеологией и пр. Если, например, у нас, у русских, кто-либо говорит с „оканьем", то это нисколько не дает представителям акающего русского говора право считать такого не русским человеком, говорящим не на русском языке, и наоборот. Теперь от современности перейдем в XV в. — время жизни Алишера Навои.

---

* Доложено (в сокращении) на заседании Отделения литературы и языка АН СССР.

[1] О сартах см. журн. „Живая старина", 1910, вып. III. Ср. Акад. В. В. Струве, Х. И. Муратов и В. И. Кальянов, Институт востоковедения, см. Вестник АН СССР, 1937, № 10—11, стр. 266.

При Навои тоже были эти две группы, только они назывались не узбеками и сартами, а узбеками и тюрками, а сартами в XV в. пока еще назывались иранцы по языку.

Навои был тюрк, он противопоставлял в своих сочинениях тюрков и узбеков, но это противопоставление шло совсем не по тем причинам, чтобы нам не считать и для XV в. узбеков и тюрков одним народом. Тюрки и узбеки, как тогда, в XV в., так сарты и узбеки в XX в. были и есть одним народом.

Для тюркологов всегда было ясно, что прежние сарты (после XV—XVI вв.) и узбеки — это две группы одного и того же языка, который после Октябрьской революции именуется у нас узбекским. Мир Алишер Навои противопоставлял себя узбекам, он был тюрк — барлас — чагатай, по терминологии XV в. У нас нет особых оснований менять эту историческую терминологию, если мы не хотим смазывать и затушевывать ее наполненную своим специальным содержанием специфичность и если нет у нас к этому достаточных и уважительных причин. Конечно, делать это можно и это делают[2], но причин для этого в данном случае, кроме воображаемых, нет.

Этим как-то сохраняется, даже в этих названиях, особый исторический характер, исторический колорит той эпохи. И наоборот, — имеют большое значение и революционный смысл у нас перемены некоторых географических и этнических названий, чтобы забыть и вычеркнуть из области нашего сознания темное дореволюционное прошлое этих мест или племен...

Для каждого тюрколога ясно, что Навои говорил и писал на одной большой из других групп тюркского (узбекского) языка, которые дожили и до наших дней. Для каждого тюрколога неоспоримо в силу этого, что Навои является действительно родоначальником или основоположником узбекского, по теперешней терминологии, литературного языка и литературы, которые ведут свой новый этап со времени Октябрьской революции[3].

Навои — узбекский, в современном нашем понимании, а не в историческом, поэт и прозаик.

Если на востоке Центральной Азии (в Синь-Цзяне, Гань-су, не говоря уже о Монголии древнего периода) тюркский язык очень давно стал литературным, на нем имелась уже обширная (главным образом переводная) литература буддийских священных книг, менее обширной была манихейская и христианская литература; еще тюркским языком, а не арабским пользовались и в деловых юридических документах (X—XIV вв.) по купле, продаже рабов и рабынь, пахотной земли, виноградников, по займам, по аренде и пр., и пр. и в намогильных памятниках, — то далеко на западе от Центральной Азии (именно в Малой Азии, в Средней Азии) тюркский язык только с трудом пробивал себе дорогу на право гражданства и общего признания в литературе. Здесь, с распространением ислама, как в изящной литературе, так и в деловых актах, да и в живой речи высшего, придворного класса был язык религии, язык культуры и государственности — язык персидский, а затем язык арабский. Мир Алишеру Навои пришлось утверждать право на литературное существование среднеазиатского тюркского языка, как и Ломоносову, и научно-теоретическими трактатами, и высокохудожественными стихотворными и прозаическими произведениями. И Навои в защиту своего родного тюркского языка написал теоретический трактат „Тяжба двух языков“ и фактически доказал возможность литературы, написав много поэтических литературных трудов в прозе

[2] Ср. „Алишер Навои“, сборник статей, изд. АН СССР, 1946, стр. 96, 102 и 120.

[3] Ср. Абуль-Гази, Родословное древо тюрков, перевод и предисловие Г. С. Саблукова, Казань, 1906, (1914), стр. VI.

и стихах, чрезвычайно высокого поэтического достоинства. В своем сочинении „Тяжба двух языков" Навои сравнивает со стороны лексики и грамматики языки персидский и тюркский. Арабский язык, как язык бога и пророка Мухаммеда, разумеется, здесь вне обсуждения, вне критики и вне сравнений. Тюркский же язык, по Навои, ничем не уступает языку персидскому, а во многих отношениях даже и превосходит его. Это Навои доказывает на всем протяжении 60—80 страниц.

Если так туго было тюркскому языку в Средней Азии в мусульманском образованном мире, где первенствовали языки арабский и персидский, то немногим только легче было положение тюркского языка в Малой Азии. Здесь только не больше двухсот лет до Навои турецкий язык начал завоевывать право гражданства. Здесь первые турецкие, собственно сельджукские, авторы — Джелялуддин Руми (ум. 1273) и его сын султан Велед (ум. 1312), сочиняя на турецком языке, даже извиняются, что они высокие, божественные богословские истины пытаются облечь в язык тюрков[4].

Сказать без всяких оговорок, что до Навои в Средней Азии тюркский язык в литературе не употреблялся, — было бы совсем не правильным: это бы не соответствовало реальным историческим данным. Сам Навои в своем историко-литературном труде „Маджалисун-нафаис" („Собрание редкостных людей") указывает на ряд крупных поэтов-современников и своих предшественников, которых по литературному таланту он ставит очень высоко и которые писали на тюркском языке (например, Лютфи, Атаи). Мало того, очень задолго до Навои, в XII в., в теперешнем городке Туркестан, раньше называвшемся „Ясы", жил и писал свой „Диван-и хикмет" („Книга премудрости") Ходжа Ахмед Ясевийский, т. е. Ясский, Туркестанский, т. е. из гор. Туркестана, на таком тюркском языке, который каждый современный нам узбек, правда старого поколения, считает совершенно своим, родным, близким и узбекским. Сочинения Ахмеда Ясеви читаемы теперь и понятны хорошо для старшего поколения, а это, конечно, условия времени. По содержанию, понятно, это сочинение не подходит для широкого чтения нашей узбекской молодежи, это — мистико-религиозное (суфическое) сочинение, да и лексика, возможно, тоже сильно будет препятствовать пониманию. Теперь у современных образованных узбеков уже менее распространено знание арабского и персидского языков, чем раньше. То же, конечно, нужно сказать о Навои. Ведь, он писал 500 лет назад, был весьма образованным человеком мусульманской культуры, в чине визиря (министра — лорда хранителя печати), знал, как он сам сообщает, персидский язык в совершенстве. Неудивительно, что теперь, как мы, русские, сопровождаем свой памятник языка — „Слово о полку Игореве" (XII в.) списком редких, малопонятных и устаревших слов, так и узбекам приходится, если кто видел издания Навои, сопровождать их списком, и даже не списком, а целым словариком этих теперь мало понятных и редко употребительных в узбекском языке, арабских и персидских главным образом, слов с их переводом на узбекский современный нам язык. Что касается Ахмеда Ясеви, то он в XII в., как и другие редкие старые авторы, был, конечно, исключением. Эти прекрасные родники народной тюркской речи не могли тогда, в старое время, пробить толщу принятых литературных традиций с арабским и персидским языками. И только с творчеством Навои ясно упрочивается употребление тюркского языка в литературе Средней Азии. И в этом не малая заслуга Навои, его поэтических и прозаических сочинений. Но мне бы хотелось указать и на другое значение Навои в истории тюркских литератур и языков. Для этого обратимся несколько восточнее от Средней Азии, обратимся своим взором к просторам Средней Азии в более обширном смысле, или к Центральной Азии.

[4] См. Записки Восточн. отд. Рус. арх. об-ва, т. XXIV, П., стр. 228 и 232.

Во время жизни Навои, в XV в., здесь, в Центральной Азии, столкнулись две крупные религии: ислам с запада и буддизм с востока и юга, столкнулись вместе с этим две культуры: исламская (арабо-персидская) и буддийская (тибетско-индийско-китайская), столкнулись и две письменности, два алфавита: арабский, направлявшийся с запада на восток, и уйгурский алфавит, направлявшийся с востока на запад.

Но этого мало. В Центральной Азии в XV в. столкнулись в последней схватке за существование и две языковые стихии. Тюркский язык — „й" с запада и тюркский язык — „д" с востока. Поясню это примерами. Если на западе говорили „айак" (нога), то на востоке, где был „д"-язык, произносили это слово „адак". Или: на западе — „кой" (класть), „той" (насыщаться), а на востоке — „код" и „тод" и т. п. Разумеется, я здесь указываю весьма яркий (и всеми принятый) классификационный признак (еще, см. ниже, имена числительные), который ведет за собой и другие особенности, присущие каждому из этих двух языков в отдельности.

Китайский Туркестан был ареной этих противоположных враждовавших течений, или направлений: как раз здесь в XV в., во время жизни и деятельности Навои, ислам окончательно восторжествовал над уступившим ему здесь место буддизмом. Тюрки Китайского Туркестана с XV в. воспринимают окончательно ислам и исламскую персидско-арабскую культуру. Весь этот процесс исламизации шел с VIII в., но с XV в. Китайский Туркестан становится, строго говоря, окончательно таким, как теперь, т. е. мусульманской страной со всеми присущими этому качествами. Одновременно с буддизмом сошли на нет христианство и манихейство. Но эти религии имели меньше исповедников-уйгуров в Центральной Азии и, надо думать, замерли, конечно, даже до XV в. Прибавлю, что путешественник Марко Поло (XIII в.) в городах Китайского Туркестана застал еще христиан; он посещал христианские храмы уйгуров и пел в них гимны деве Марии „Ave, Maria!".

В Центральной Азии, в противоположность западной части Азии, тюркский язык уже давно приобрел права гражданства. На этот язык были переведены почти все буддийские книги, составляющие главный официальный буддийский канон священных книг.

Переводы на тюркский уйгурский язык делали с разных языков, более всего с китайского языка. Делались также переводы и с тибетского, индийского (санскритского), с тохарского.

Нам теперь неизвестно, знал ли Навои эту буддийскую, христианскую и манихейскую литературу. Особенного затруднения ведь при чтении этой литературы на „д"-языке для представителя тюркского „й"-языка не могло бы быть, имея в виду такого образованного человека, каким был Алишер Навои. У него встречается, совершенно вскользь (2—3 раза) упоминание об уйгурской литературе. Но что разумел он здесь — неизвестно. Возможно, что здесь он разумел мусульманскую литературу на уйгурском „д"-языке Китайского Туркестана. Не забудем, что Навои был слишком западник и, кроме того, мусульманин, для которого буддизм и христианство были идолопоклонством. При Навои была широко распространена (и именно в Средней Азии, а не в Центральной) и мусульманская литература на „д"-уйгурском языке. Как раз в Герате, месте жительства Навои, переписывалась и читалась главным образом эта дидактическая мусульманская литература. Здесь можно упомянуть „Книгу счастья" (XI в.), „Подарок истин" (XII в.), несколько коранов XIV в., переведенных на тюркский литературный (уйгурский) язык, и другие вещи.

Почему-то очень долго в землях Средней Азии во всех трех Туркестанах — Западном, Восточном и Афганистанском, уже при господстве сильно упрочившегося и распространившегося ислама вместе с его арабской графикой, можно видеть сочинения, писанные не только арабским

письмом, но и на уйгурском алфавите. Мы имеем еще несколько двуалфавитных (арабско-уйгурских) рукописей чагатайских поэтов. Можно отметить еще, что в 1469 г. отец султана Бабура в Андижане Омар-шейх дает льготный документ маргинанскому (маргеланскому) вельможе Мир Сейиду Ахмеду, писанный уйгурскими буквами; язык этого документа если и не уйгурский, то во всяком случае носит некоторый отпечаток уйгурского языка.

За последнее время в Турции найдена еще грамота 1468 г. султана Абу Саида, который был отцом Омар-шейха. Эта грамота писана двумя алфавитами — уйгурским и арабским (изд. Ниметом Куратом в Стамбуле в 1940 г.).

Но и эти вещи в Средней Азии были во время Навои до некоторой степени уже анахронизмом. Я разумею уйгурский шрифт и „д"-язык. Их переписывали и имели только любители старины, эстеты. Такие общества, или кружки, эстетов-археологов, любителей старины были, возможно, как я сказал, в Герате в XV в. во время Навои, так как из этого города мы имеем несколько рукописей, писанных двумя алфавитами: уйгурским и арабским, например „Подарок истин", сочинение поэта Лютфи[5], „Книгу счастья" (Кутадгу Билиг) XI в. и др.

С запада, как я сказал, шел на восток ислам. Вместе с этим движением шла и арабская образованность и, разумеется, арабский алфавит на смену употреблявшегося до того у тюрков уйгурского алфавита, где буквы идут сверху вниз и строчки слева направо. Этот уйгурский алфавит был заимствован монголами, так как уйгуры были когда-то в древнее время учителями монголов. Но этого мало. Если раньше, в древнее время, среди тюрков литературные течения, лексика и вообще влияние языка тюрков направлялось с востока на запад, то позднее, в средние века, по части тюркского языка движение пошло уже с запада на восток. Это, например, очень хорошо видно, если мы сравним хотя бы „Книгу счастья" XI в. с юридическими документами XI—XIV вв. Книга счастья (из Кашгарии) содержит в себе уже очень много арабских и персидских слов. Книга эта вполне мусульманской культуры. Можно прибавить здесь еще, что в это же самое время, XII в., уроженец Кашгара Махмуд пишет свое трехтомное сочинение по тюркским языкам целиком на арабском языке; далее же на восток в это же время или даже позднее лет на сто в юридических документах тюрков из Турфана арабских и персидских слов мы почти не найдем. Во всех известных нам документах слов арабских и персидских не более полдесятка. Разумеется, арабским и персидским словам нужно было время, чтобы из Кашгара проникнуть далее на восток в Турфанский, например, оазис. Казалось бы, арабским словам было бы очень уместно заполнить все эти юридические документы, но этого не случилось. Терминология была выработана уйгурами своя собственная. О движении языка в средние века с запада на восток видно и из употребления в этих же памятниках письменности системы счета. Западная (новая) система счета постепенно шла на восток. В XI в. старой системы счета уже не было в Кашгарии, но в Турфане она еще употреблялась в юридических документах до XIII — XIV вв., а еще дальше на восток, за Великой китайской стеной у современных нам уйгуров буддистов — желтых уйгуров старая, а не новая, система счета сохранилась и употребляется даже и теперь. Разница между старой и новой системами состоит в том, что теперь числа из десятков и единиц выражаются так, что большее число, т. е. десяток ставится впереди, а на втором месте идут единицы; например, одиннадцать по-татарски будет „десять один", так и везде, за исключением современных нам желтых уйгуров Китайской провинции Ганьсу. В древ-

[5] В. В. Бартольд, Новая рукопись уйгурским шрифтом в Британском музее, Доклады Росс. Академии Наук, 1924, стр. 57—58.

нее же время, а у ганьсуйских уйгуров и теперь, „одиннадцать“ выражалось и выражается через „один двадцать“; „тридцать три“ будет выражено через „три сорок“.

К XV—XVI вв. (это, конечно, совсем приблизительно) в Центральной Азии менялась религия, вместе с чем менялся и алфавит и даже постепенно менялся частично и язык: он из „д“-языка переходил в тюркский же „й“-язык, каковым продолжает быть этот язык в Китайском Туркестане и в настоящее время. Мне хочется думать, что в этом общем движении культуры с запада на восток Навои был не только захвачен и увлечен потоком, нет, он сам, следует думать, — отчасти двигал и направлял этот поток языка и литературы. Он был не только фактом, но и фактором истории. Навои способствовал скорейшему распространению тюркского языка и литературы с запада своими гениальными поэмами-романами. Он был чрезвычайно любимым, читаемым автором, и об этом свидетельствуют нам многочисленные, дошедшие до нас от разных веков, рукописи его сочинений. И в настоящее время в Китайском Туркестане, даже в глухих уголках Лоб-нора, стихи Навои читаются, поются и декламируются. Сюжеты его поэм рассказываются в виде отдельных сказок и рассказов и пр. Все это я слышал непосредственно сам. Об этом же сообщают нам путешественники по Центральной Азии, например шведский путешественник Свен Гедин.

Одним словом, влияние Навои дошло до Великой Китайской стены вместе с „й“-языком. Дальше Китайской стены влияние Запада, а вместе с тем и влияние Навои, не пошло: желтые уйгуры Гань-су об исламе ничего не знают; о саларах же, живущих по реке Хоан-хе, около гор. Сюн-хуа-тина, и исповедующих ислам, читают ли они сочинения Навои, сказать ничего не могу — за отсутствием данных.

Нечего говорить, что Алишера Навои переписывали и читали и читают и в Средней Азии, и в Татарии, Азербайджане, Турции, Афганистане, Индии...

Заслуги Алишера Навои не ограничиваются тем, что им окончательно узаконено употребление в литературе среднеазиатского тюркского языка вместо персидского. Как видим, резонанс от Навои был еще больше: благодаря его трудам, значительно ускорился процесс перевеса языка — „й“ над „д“-языком и весьма упрочился в литературе во всем Китайском Туркестане, как и в других Туркестанах, тюркский „й“-язык.

Навои является не только основоположником узбекского литературного языка („й“-языка), нет, он, вместе с этим, был и в числе причин, или факторов, преобразовавших тюркский „д“-язык в Центральной Азии.

Если все мной вышеприведенное будет принято, тогда значение и влияние Алишера Навои вырисовывается в гораздо большей степени, чем это казалось нам до сих пор.